

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА

УДК 316.43

Концептуализация политики идентичности и практики ее реализации в России и Армении*

М. И. Заславская¹, В. Н. Ракачев²

¹ Ереванский государственный университет,
Республика Армения, 0025, Ереван, ул. Алека Манукяна, 1

² Кубанский государственный университет,
Российская Федерация, 350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149

Для цитирования: Заславская М. И., Ракачев В. Н. Концептуализация политики идентичности и практики ее реализации в России и Армении // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2022. Т. 15. Вып. 1. С. 47–62. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2022.103>

Статья посвящена анализу концептуальных оснований политики идентичности, главным субъектом которой в современных условиях выступает национальное государство. Помимо теоретических схем интерпретации понятий «этнос», «нация», «национальная идентичность» и «политика идентичности», в работе также рассмотрены практики реализации политики идентичности в России и Армении. Исследования идентичности в последние десятилетия приобрели особую значимость, однако сам феномен по-прежнему сложно поддается определению и анализу. Актуализация проблематики идентичности обусловлена тем, что данное явление во многом определяет особенности функционирования современных социальных систем и прежде всего государства. Вместе с тем опыт различных государств в вопросах разработки и реализации политики идентичности во многом специфичен. Это наглядно демонстрирует ситуация в Российской Федерации и Республике Армения. Обе страны столкнулись с серьезными внутренними и внешними вызовами, при этом в вопросе реализации политики идентичности обнаруживается ряд общих проблем. И для России, и для Армении актуальными и открытыми остаются вопросы об основаниях идентичности и кри-

* Статья подготовлена в рамках совместного российско-армянского проекта «Механизмы трансформации национальной идентичности в современных миграционных процессах (на примере миграционной сети Армения — Юг России)», реализуемого при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) № 20-511-05019 Арм_а и Комитета по науке Министерства образования, науки, культуры и спорта Республики Армения (ГКН МОНКС), № 20RF-172.

териях включения в национальное сообщество. Вместе с тем от понимания возможностей и применения эффективных технологий регулирования политики идентичности, от выявления актуальных приоритетов и векторов развития общества во многом зависит будущее и даже само существование обеих стран как национальных государств в условиях современного глобализирующегося мира. В теоретико-методологическом плане исследование опирается на базовые положения теории идентичности, концепции этничности, нации и национализма. Исследование базируется на междисциплинарном подходе, объединяющем теоретико-методологические принципы социологии, этнологии и политической науки.

Ключевые слова: политика идентичности, национальная идентичность, нация, этнос, народ, Российская Федерация, Республика Армения.

Введение

Вопросы идентичности в последние десятилетия приобрели особую актуальность в социологических исследованиях в связи с тем, что феномен социальной идентичности во многом определяет особенности функционирования и развития социальных систем; это динамичный феномен, который, по словам А. Турена (A. Touraine), «становится в глазах социолога не просто призывом к существованию, а также требованием некоей способности действия и изменения» [1, с. 70].

Цель данной статьи — рассмотреть концептуальные основания политики идентичности, проанализировать особенности ее реализации на современном этапе в России и Армении. В рамках данной цели можно обозначить следующие задачи: на основе различных теоретических подходов провести анализ концептуальных оснований политики идентичности, рассмотреть содержание понятий «идентичность», «нация», «этнос», «народ»; определить специфику реализации политики идентичности в Российской Федерации и Республике Армения; выявить основные проблемы и трудности в этом вопросе.

В теоретико-методологическом плане данная статья опирается на базовые положения теории идентичности, концепции этничности, нации и национализма. Исследование основано на междисциплинарном подходе, объединяющем теоретико-методологические принципы социологии, этнологии и политической науки.

Подходы к интерпретации концепта «идентичность»

В социологии имеется целый ряд подходов к интерпретации и определению идентичности. Согласно конструктивистскому подходу, идентичность определяется как «категория социального и гуманитарного знания, ориентированная на выявление и описание смысловых характеристик индивидуальных и коллективных действий в контексте (само)определения принадлежности субъектов данных действий к тем или иным группам и/или сообществам и соответствующим ценностно-нормативным регуляциям» [2, с. 18]. Социальная идентичность указывает на приоритеты, которые существуют в сознании членов социума и в соответствии с которыми определенный маркер может закрепляться в сознании группы как социально дифференцирующий. Иными словами, мы можем определить идентичность как систему дифференцирующих маркеров, которые детерминируют принадлежность личности к той или иной социальной группе.

Согласно В. А. Ачкасову, «идентичность в данном контексте — это не только идентификация людей с соответствующей общностью, но и представления об этом объединении (“образ *мы*” включает конструкты себя и других), а также о характеристиках данной группы: культурных, религиозных, лингвистических, территориальных, исторических и т. д. Чем больше в общности число разделяющих единую идентичность, тем выше вероятность совместных действий в ее интересах» [3, с. 20].

Идентичности как конструкты рассматривает С. Хантингтон (S. Huntington). «Люди, — пишет он, — конструируют собственные идентичности, занимаясь этим кто по желанию, кто по необходимости или по принуждению» [4, с. 50–51]. Он выделяет множество оснований (источников) для идентификации, в числе которых аскриптивные (пол, возраст), культурные (язык, религия), территориальные (регион, населенный пункт), политические (идеология, государство), экономические (профессия, отрасль экономики), социальные (группы по интересам, статусы). У людей, полагает ученый, «имеется богатый, почти безграничный выбор возможных источников самоидентификации», однако, будучи вовлеченным во множество коллективов и групп, индивид не обязательно будет себя с ними идентифицировать. При этом Хантингтон склонен рассматривать идентичность не только на уровне индивидов, но и на уровне групп, вплоть до крупных социальных образований, какими являются народы, нации, классы и страны в целом [4, с. 58–59].

В русле инструменталистского подхода трактуют идентичность Н. Глейзер (N. Glazer) и Д. П. Мойнихэн (D. P. Moynihan), полагая, что решающее значение в формировании той или иной идентичности имеют определенные выгоды и интересы, которые может с ее помощью приобрести индивид [5, р. 1]. Близкой к этой позиции является позиция В. Тишкова, который отмечает, что в современном обществе наблюдается своего рода «дрейф идентичностей», когда индивид или группа осуществляет выбор идентичности в пределах доступных им в настоящее время «культурных конфигураций и систем», причем условия и границы этого выбора определяются государством [6, с. 123].

Таким образом, ключевым представлением в отношении идентичности с точки зрения ведущих современных теоретических подходов (конструктивизма и инструментализма) выступает признание ее динамического характера, возможности меняться под влиянием различных факторов, а следовательно, утверждается возможность управлять этим процессом и направлять его.

К вопросу концептуализации понятий «этнос», «народ», «нация»

Возможно, одним из самых актуальных концептов в современной социологии является этническая идентичность. Вместе с тем в понимании феномена этничности в академическом сообществе нет единства. В социологии имеется три основных подхода к интерпретации природы этничности: примордиализм, инструментализм и конструктивизм. Причем в рамках того или иного подхода также имеются определенные направления.

Приверженцы классического примордиализма (от англ. *primordial* — первоначальный, исконный) считают, что биологические характеристики этноса первичнее социальных. В свою очередь, сторонники культурного примордиализма придерживаются мнения, согласно которому этнос выступает в качестве базового, пер-

вичного элемента социальной структуры общества, которая может меняться под воздействием социально-исторических условий [7, с. 61].

Основная дискуссия по поводу этничности в последние десятилетия развернулась между представителями инструментализма и конструктивизма, или так называемой «школой А. Коэна (A. Cohen)» и «школой Ф. Барта (F. Barth)» [8, с. 117]. А. Коэн и его последователи фиксируют внимание на функционировании общественных структур, где этничность является не более чем инструментом политической стратегии групп [9, р. 24]. По мнению Ф. Барта, основная роль этничности — «социальная организация культурных различий» [10, р. 47]. Американские социологи П. Бергер (P. Berger) и Т. Лукман (T. Luckmann) попытались совместить идею субъективной свободы и объективной реальности, показав, как субъективные значения институционализируются, превращаясь в реальные социальные структуры (см. [11]). В рамках «символического конструктивизма» П. Бурдьё (P. Bourdieu) [12, с. 92] социальные группы объективно существуют благодаря институционализации субъективных представлений членов группы о ее существовании.

Сложнее обстоит дело с понятиями «нация», «национальность», «народ», так как, помимо этнической, в эти понятия примешивается и политическая компонента. Согласно В. А. Тишкову, народ — это «группа людей, члены которой имеют одно или несколько общих названий и общие элементы культуры, обладают мифом (версией) об общем происхождении и тем самым обладают как бы общей исторической памятью, могут ассоциировать себя с особой географической территорией, а также демонстрировать чувство групповой солидарности» [13, с. 230]. Понятие «народ» может обозначать и население конкретной страны, проживающее на ее территории, что часто используется в рамках политического популизма. Более сложно поддается определению понятие «нация», которое можно интерпретировать двояко: с одной стороны, нацию можно понимать как «этническую общность (этнонацию)», с другой — как «государственное сообщество (согражданство)» [14, с. 362]. Однако, как отмечает В. А. Тишков, у представителей второй интерпретации «ресурсов и аргументов на признание за ними данного обозначения больше» [15, с. 76].

Тем не менее следует отметить, что в российской социологии нет единого подхода к интерпретации понятия «нация». В этой связи А. В. Лубский [17, с. 49] пишет: «В западноевропейской традиции понятие национальной идентичности по смыслу связано с обществом и государством... а в российской традиции — с этносом или народом». Это и определило широкую научную дискуссию среди российских ученых, где многие теории западных авторов были рассмотрены с совершенно новых позиций.

Как пишет французский политический социолог Д. Кола (D. Colas), «нация представляет собой продукт определенных социальных условий и не является продолжением природы другими способами. Нация есть не что иное, как государство-нация: политическая форма территориального суверенитета над подданными и культурная (языковая и/или религиозная) гомогенизация группы, накладываясь друг на друга, порождают нацию» [16, с. 67]. Иными словами, можем констатировать, что «нация» в классическом понимании этого термина означает граждан, объединенных политически в единое государство. Поэтому во французском языке есть устойчивый политологический термин “Etat-Nation”, “государство-нация”, показывающий, что нация неразрывно связана с политической системой государства,

объединяет в особое образование граждан этого государства» [7, с. 14]. Именно в этом смысле мы будем понимать концепт «нации».

Здесь также можно согласиться с позицией В. А. Тишкова, который считает ошибочным мнение о том, что «ни одна нация как государство не формировалась без наций-этносов, но при этом всегда был государствообразующий этнос, который подавлял, ассимилировал или объединял остальных» [15, с. 76]. Иными словами, именно гражданская принадлежность становится основополагающей при определении национального сообщества и на передний план выдвигается национальная (страновая) идентичность со своим набором национально-дифференцирующих маркеров¹. При этом если набор этнодифференцирующих маркеров неоднозначен и находится в основном в области культурной аутентичности, а также такого расплывчатого понятия, как происхождение, то национальная идентичность опирается на самоидентификацию человека как представителя конкретного государства и может закрепляться юридически. Территориальная дислокация человека в этом случае не является основополагающей для его национальной идентичности. Более того, в понимании национальной идентичности формальное закрепление гражданства за индивидом также не является основополагающим. Здесь важно, в качестве гражданина какой страны человек себя идентифицирует, гражданином какой страны он себя чувствует, интересы какой страны он будет защищать.

Согласно М. К. Горшкову, «в этом плане национальную идентичность можно определить как заданную национальным видением мира и национальной историей основную идею, которой живет социум в конкретно-историческую эпоху и потому приемлемую для его большинства. Тем самым идентичность несет в себе ответ на вопрос о сущности своего народа, его месте, роли и задачах в мировой истории и идеальных формах его существования» [18, с. 297].

Таким образом, такое понимание этноса, нации, национальности и народа позволяет уложить эти понятия в единую концептуальную схему, где понятия этноса и нации различаются в зависимости от признака, положенного в основание социальной идентичности индивида. Нация — категория, характеризующая общность на основе политического единства, а национальность выступает характеристикой индивидуальной принадлежности человека к той или иной нации, которая может быть официально оформленной, но может и не быть официальной. Тем не менее важны в первую очередь именно личные установки людей по отношению к той или иной национальной идентификации. Этнос и народ, в свою очередь, категории, характеризующие общности по месту их проживания и культурно-политическим особенностям. Соответственно, в границах единой национальной идентичности могут сосуществовать несколько этнических идентичностей.

Национальная идентичность как инструмент консолидации в современном государстве

Концепт национальной идентичности является одним из действенных механизмов государственного управления. Согласно А. Турену, «государство также обращается к идентичности в противовес социальным ролям, пытается навязать идею

¹ Примерами стран, нации которых формировались в полиэтничном пространстве, можно назвать Канаду и США.

единства, высшего по отношению ко всем особым объединениям и способного называться им. Особенно национальное государство взывает к гражданственности и, соответственно, к патриотизму в противовес всем социальным, профессиональным и географическим различиям. Таким образом, индивидуальный или коллективный призыв к идентичности составляет оборотную сторону общественной жизни. Тогда как последняя представляет сеть отношений, местом пребывания идентичности являются одновременно индивиды, общности и государства» [1, с. 65].

Ю. Хабермас (J. Habermas) считает, что именно феномен национальной идентичности, являющийся «первой современной формой коллективной идентичности», послужил «катализатором преобразования раннего современного государства в демократическую республику», тем самым способствуя росту политической активности граждан и возможности их политического объединения. «Тем самым национальное государство смогло решить сразу две проблемы: оно учредило демократический способ легитимации на основе новой и более абстрактной формы социальной интеграции», — пишет он [19, с. 368].

В соответствии с изложенным, в качестве синонима «национальной идентичности» может выступать идентичность гражданская. Так, Л. М. Дробижева определяет гражданскую идентичность как процесс, в ходе которого индивид отождествляет себя с гражданами страны, с ее государственно-территориальным пространством, который строится на представлениях о государстве, обществе, стране, «образе мы», чувстве общности, солидарности и ответственности за ситуацию в государстве [20, с. 8]. В то же время В. А. Тишков, характеризуя гражданскую идентичность, ставит акценты на лояльности государству и признании государства «своим» [21, с. 64, 66–67].

Таким образом, несмотря на целый ряд современных трендов в рамках глобализации и уменьшение роли и значения национальных государств в мире, формирование и трансформация национальной идентичности все еще являются действенным механизмом, влияющим на существование и функционирование современных государств.

Политика идентичности и современное государство

По мнению Р. Мюира (R. Muir), задача современного государства — «создать рамочные условия, инфраструктуру для того, чтобы стимулировать формирование коллективных идентичностей в интересах общественного развития» [22, р. 17].

Сам «термин “политика идентичности” (identity politics) вошел в научный оборот в конце 1970-х гг., а на рубеже 1990–2000-х гг. прочно утвердился в англоязычной научной литературе в рамках конструктивистской парадигмы анализа социально-политических изменений (П. Бурдьё) на волне подъема движений за права дискриминируемых социальных групп» [23, с. 24]. С начала 2000-х гг. политика идентичности все чаще интерпретируется как одно «из важнейших направлений государственной политики по конструированию образа нации, государства, сплочения граждан, обеспечения единства населения, гарантирующего устойчивость политической системы и политического режима» [24, с. 89].

По словам В. А. Ачкасова, «национальная идентичность определяет принадлежность человека к нации как политическому сообществу. Именно на этой основе

утверждается легитимность власти и государства как института, претендующего на реализацию национальной идентичности в политических действиях под флагом защиты национальных интересов» [25, с. 73].

Известный американский политолог С. Верба отмечает: «Если индивидуумы, которые в физическом и юридическом смысле являются членами данной политической системы (то есть гражданами), не ощущают своей принадлежности к данной системе в психологическом смысле (то есть когда поддержка не находит выражение в “мы-ощущении”, в идентификации с национальной общностью), возможности упорядоченного изменения системы невелики» [цит. по: 25, с. 76].

В этой связи приобретают особую значимость механизмы, при помощи которых государство способно формировать действенную национальную идентичность как для своих граждан, так и для людей, так или иначе связанных со страной. В этой ситуации в полной мере проявляет себя феномен, который А. Турен определил как «призыв к идентичности», результатом которого становится, по его мнению, «отказ от социальных ролей... которые должно играть действующее лицо. <...> Государство также обращается к идентичности в противовес социальным ролям, пытается навязать идею единства, высшего по отношению ко всем особым объединениям и способного навязаться им. Особенно национальное государство вызывает к гражданственности и, соответственно, к патриотизму в противовес всем социальным, профессиональным и географическим различиям» [1, с. 97–98].

Таким образом, в современном обществе государство активно реализует политику идентичности, под которой, согласно И. С. Семененко, следует понимать «деятельность по формированию и поддержанию национальной (национально-государственной), гражданской и иных форм макрополитической идентичности» [23, с. 23].

В научной литературе принято выделять четыре основных направления политики идентичности. Это символизация пространства, ритуализация принадлежности к сообществу, формирование представлений о «мы-сообществе» и, наконец, установление границ «свой» — «чужой» [3, с. 20].

По мнению О. Ю. Малиновой, практические и символические действия политических акторов в рамках политики идентичности, направленные на конструирование, поддержание и мобилизацию идентичности, состоят из поддержания гражданской идентичности, правовой категоризации, языковой политики и распределения ресурсов, а также конструирования представлений о «своих и чужих» [26, с. 14].

Э. Хобсбаум (E. Hobsbawm) особое внимание уделяет тому, что он называет «святыми иконами», которые призваны сделать сконструированную реальность осязаемой в качестве важной составляющей национальной идентичности. Он пишет: «национальность и национализм, хотя они и конструируются “сверху”, нельзя постигнуть вполне, если не подойти к ним “снизу”, с точки зрения убеждений, предрассудков, надежд, потребностей, чаяний и интересов простого человека, которые вовсе не обязательно являются национальными, а тем более — националистическими по своей природе» [27, с. 20]. К «святым иконам» Хобсбаум относит «обряды, ритуалы или общие коллективные действия», «изображения или практические действия», «образы, имеющие собственное имя и отождествляемые с территориями», «периодические празднества или состязания, соединяющие воедино разрозненные группы» [27, с. 115].

Современное государство, пишет Р. Брубейкер (R. Brubaker), «является одним из важнейших агентов идентификации», оно «монополизирует или стремится монополизовать не только легитимно применяемую физическую силу, но и легитимную символическую власть», которая «включает власть именовать, идентифицировать, категоризировать и устанавливать, что есть что и кто есть кто» [28, с. 91].

В этом контексте государство является ключевым актором политики идентичности, «который, через институты социализации (систему образования, воинскую службу, СМИ) и инструменты публичной политики, постоянно участвует в “нациестроительстве” — процессе поощрения общего языка, чувства общего членства в социальных институтах, действующих на этом языке, и равного доступа к ним. Решения относительно официальных языков, основных элементов образовательных программ и требований к получению гражданства — все это делается с намерением распространить определенную национальную идентичность, основанную на участии в... социетальной культуре» [29, с. 440].

Примером европейского опыта успешного осуществления политики идентичности можно назвать комплекс мер по деполитизации конфликта в итальянском регионе Трентино-Альто Адиджа, реализуемого через языковую политику и автоматизацию бюджета [23, с. 30].

Таким образом, эффективная государственная политика по формированию национальной идентичности способна во многом сглаживать острые этнополитические конфликты, связанные со стремлением этнических меньшинств к самоопределению, или возникающие в процессе формирования иммиграционных потоков, а также конфликты, являющиеся результатом политического, этнокультурного противостояния различных групп, включенных в состав национального государства. Способность государственной политики сглаживать подобные противостояния и возможную напряженность является залогом будущего эффективного общественного строительства.

Политика идентичности в России и Армении: общее и особенное

Для России и Армении вопросы политики идентичности приобретают особую значимость в связи с современными миграционными процессами, которые ныне являются неотъемлемой частью существования двух стран. В России актуальность политики идентичности связана прежде всего с широкими потоками иммигрантов, приезжающих в страну в контексте трудовой миграции (хотя и проблемы оттока населения также актуальны для России). Для России, как для полиэтнической страны, выработка эффективной политики национальной идентичности в контексте иммиграционных процессов приобретает особое, витальное значение.

Наиболее распространенными вариантами политики идентичности для принимающих иммиграционные потоки стран являются ассимиляция (стимулирование полного встраивания мигрантов в принимающее общество), дифференциальное исключение или сегрегация (обеспечение с некоторыми ограничениями временного допуска мигрантов в принимающее общество) и мультикультурализм, основанный на идее культурного плюрализма. Тем не менее, как показал опыт многих стран, в том числе Германии, Франции, Австралии, США, реализация имеющихся моделей политики идентичности во многом не оправдывает себя, и во мно-

гих из упомянутых стран на сегодняшний день налицо кризис идентичности [30]. По мнению Д. И. Узнародова, «влияние миграционных процессов на национальную идентичность обусловлено рядом факторов. К ним относятся: социокультурная идентичность мигрантов, их доля в общей численности населения, а также продолжительность миграций из отдельных регионов» [31, с. 41].

«Вопрос об основах политики идентичности как самостоятельного направления государственной политики в современной России, по словам В. А. Авксентьева, Б. В. Аксюмова и В. А. Васильченко, приобретает особую важность» [32, с. 23]. Это, в свою очередь, предполагает не пассивное наблюдение за процессами, протекающими в российском обществе в области формирования национальной идентичности, но активные действия со стороны государства и общественных структур в этом направлении².

Что же касается политики идентичности в России, то, по мнению Ю. Г. Волкова и А. В. Лубского, в 2015–2016 гг. в процессе формирования национально-гражданской идентичности «российскому обществу в качестве национальной идеи была предложена идея патриотизма» [33, с. 45]. Иными словами, наиболее актуальной на сегодняшний день политикой идентичности является политика ассимиляции, а также дифференциального исключения. По мнению А. В. Лубского, ситуация осложняется тем, что «в современном российском обществе, наряду с универсальной национально-государственной идентичностью, существуют партикулярные национально-гражданская и этнонациональные идентичности» [17, с. 62]. По его мнению, на сегодняшний день имеются два проекта конструирования общей национальной идентичности в России. Во-первых, «это проект, связанный с формированием трансэтнической нации-цивилизации и конструированием национально-цивилизационной идентичности на основе представлений о России как особом государстве-цивилизации», и, во-вторых, «это проект, направленный на формирование трансэтнической российской нации как многонационального народа России и, соответственно, национальной (общероссийской) идентичности на основе национальной идеи и публичных ценностей, консолидирующих российское общество» [17, с. 62]. Тем не менее, согласно Лубскому, эти проекты еще далеки от реализации, так как «цивилизационная матрица идентификации» трансэтнической российской нации находится «на периферии массового сознания россиян» [17, с. 62].

Как полагает О. Ю. Малинова, есть целый ряд вопросов, относительно которых в современной России существует неопределенность, что в значительной степени затрудняет реализацию политики идентичности. В их числе вопрос об основании, фундаменте идентификации для того сообщества, которое стоит за российским государством. Иначе говоря, нет четкого ответа на вопросы: «Кто мы? Является ли это сообщество нацией, многонациональным народом, цивилизацией и т. п.?» Другим, не менее значимым является вопрос о том, кто образует это сообщество, кто в него может и должен быть включен? Здесь также нет определенности, поскольку, кроме первого и вполне очевидного признака, необходимого для включения в это сообщество, — гражданства, есть и другие, потенциальные критерии принадлежности. В различных документах это сообщество определяется иногда как соотечественники, как «русский мир», подразумевая и включая в него и тех, кто находится

² Путин назвал условия формирования российской идентичности // Взгляд: Деловая газета [Электронный ресурс]. URL: <https://vz.ru/news/2016/10/31/841146.html> (дата обращения: 23.11.2021).

за пределами страны, но так или иначе связан с ней, прежде всего языковым и культурным кодом. Отсутствие четкого понимания в данных вопросах «задает неопределенность этого измерения политики идентичности» [26, с. 15].

Вместе с тем показательно, что данные многочисленных соцопросов в России устойчиво фиксируют высокую долю респондентов — 75–80 %, самоопределяющих себя на основе российской гражданской идентичности, при этом российская идентичность, выступая одной из наиболее распространенных коллективных идентичностей, в их иерархии не является приоритетной [20, с. 14].

В целом, исследователи полагают, что в Российской Федерации сегодня наблюдается активный «процесс становления политики идентичности в качестве самостоятельного направления социокультурной политики российского государства» [32, с. 32]. Однако отмечается ряд препятствий на этом пути. В частности, в рамках российской политики идентичности недостаточно разработаны механизмы противодействия различного рода деструктивным практикам, которые подрывают позитивное восприятие национальных символов и образов, направлены на деконструкцию коллективных представлений. Кроме того, в процессе реализации этой политики государство и другие акторы сталкиваются с целым рядом неопределенностей, которые, в свою очередь, затрудняют решение поставленных в рамках политики идентичности задач [34].

В Армении вопросы политики идентичности являются весьма острыми и болезненными в связи с огромными эмиграционными потоками, более 80 % которых направлены в Россию. Страна стоит перед серьезными демографическими проблемами. Если не использовать огромный потенциал эмиграционных трудовых сообществ через выработку продуктивной политики идентичности, страна может встать перед проблемой глубокой депопуляции со всеми вытекающими отсюда тяжелейшими последствиями.

Вопросы политики идентичности в миграционных процессах в Армении всегда стояли очень остро. Националистические и традиционные ее концепции нуждались в пересмотре. Косвенным подтверждением этому являлись традиционно отрицательные показатели сальдо миграции (от –8,3 на 1 тыс. чел. в 2016 г. до –6,2 в 2018 г.) [34, с. 4]. Сейчас же в Армении, по мнению проф. Л. А. Арутюнян, сложилась ситуация, которую А. Турен охарактеризовал как «призыв к идентичности»³. Согласно Турену, «призыв к идентичности сопровождается обращением к метасоциальному гаранту общественного порядка» [1, с. 97] и происходит в быстро трансформирующихся обществах как некий элемент коллективного действия, который обычно имеет защитную функцию. По мнению Арутюнян, армянское общество после 2018 г. взяло курс на ускоренную глобализацию, что в свою очередь не могло не отразиться на политике идентичности. В «Стратегии национальной безопасности Республики Армения», принятой в июле 2020 г., «Сохранение и развитие национально-государственной идентичности, самостоятельности и суверенитета армянского народа, включая восстановление и развитие национальной идентичности среди армян, отдалившихся и отдаляющихся от национального самосознания, в том числе

³ Арутюнян Л. А. Mtorumner hayastanyan hasarakutyunum hnchox inqnutyan kocheri bovandakutyun u derakatarman masin (на армян. яз.) [Размышления о содержании и роли вызовов идентичности в армянском обществе] // AZG Daily. 2021. 22.09. URL: <https://goo.su/as2d> (дата обращения: 30.09.2021).

посредством значительного повышения уровня владения армянским языком и увеличением числа лиц, имеющих гражданство Республики Армения» определяется в качестве одной из основных национальных целей⁴. При этом отмечается, что «национальная идентичность не остается неизменной. Наша нация, наш народ существуют уже на протяжении тысячелетий, но понятие “быть армянином” не имело равноценного значения в течение этих тысячелетий, и смысл его, в силу различных обстоятельств, событий и факторов, менялся со временем»⁵.

Первой ласточкой, свидетельствующей о смене политики идентичности, явилось, по мнению Л. А. Арутюнян, объединение практически всех институтов, ответственных за нее, а также процессы социализации в обществе, под эгидой единого Министерства образования, науки, культуры и спорта, куда было включено также и Министерство по делам молодежи. Были приняты несколько законов, которые предусматривали изменение стандартов преподавания армянского языка, армянской истории и истории религии в школах. В частности, слово «армянский» было убрано из названия предметов «Армянская литература» и «История Армянской церкви». Согласно информации агентства Norlur.am, из текста о «Стратегии национальной безопасности» была убрана формулировка «национальная церковь»⁶. Также в качестве национальных церквей, кроме традиционной Святой Армянской Апостольской Церкви, названы несколько других церквей⁷. Подобные трансформации особенно остро стали восприниматься населением в контексте 44-дневной войны 2020 г. и вызвали определенный раскол мнений. Зазвучали призывы к возврату традиционной идентичности. На фоне демографических проблем населения, а также непрекращающейся волны эмиграционных потоков такой раскол явно не сулит положительных сдвигов.

Согласно официальной статистике, население Армении с 2018 г. сократилось с 2969,0 тыс. чел. до 2961,9 тыс. чел. в 2020 г.⁸ С учетом тотального сокращения миграционных потоков в связи с пандемией 2020–2021 гг. подобные тенденции могут быть разрушительными для страны. Отметим, что сальдо миграции в 2019 г. составило –5,2 на 1 тыс. чел. [35, с. 4]. В условиях естественной убыли населения эффективная политика идентичности могла бы решить целый ряд проблем, связанных с возможностью использования потенциала миграционных общин, находящихся за пределами Республики Армения. Между тем политика идентичности, проводимая внутри страны, также создает определенные проблемы с точки зрения обеспечения единства и эффективного развития общества.

⁴ Стратегия национальной безопасности Республики Армения. Ереван, 2020. С. 4. URL: <https://drive.google.com/file/d/1z5LyqhH03i8PIoY1JjrvEMK3tem0KYZJ/view> (дата обращения: 23.11.2021).

⁵ Там же. С. 2.

⁶ 2020t. azgayin anvtangutyun razmavarutyunum teqstic hanvel e «azgayin ekexeci» dzevakerpumpy (на армян. яз.) [2020 г. В Стратегии национальной безопасности из текста удалена формулировка «национальная церковь»] // Norlur.am: сайт агентства. URL: <https://norlur.am/2020/07/12/2020-t-azgayin-anvtangutyun-razmavarutyunum-tekstic-hanvel-e-azgayin-ekexeci-jevakerpum/> (дата обращения: 10.11.2021).

⁷ Стратегия национальной безопасности Республики Армения. Ереван, 2020. С. 4. URL: <https://drive.google.com/file/d/1z5LyqhH03i8PIoY1JjrvEMK3tem0KYZJ/view> (дата обращения: 23.11.2021).

⁸ Статистический комитет Республики Армения. URL: <https://armstat.am/ru/?nid=12&id=11001&submit=%D0%9F%D0%BE%D0%B8%D1%81%D0%BA> (дата обращения: 23.11.2021).

Заключение

Таким образом, феномен национальной идентичности является мощнейшим средством консолидации социума, и, в свою очередь, потеря национальной идентичности может способствовать исчезновению целых государств. Представленная в статье концептуальная схема понятий «этнос», «народ», «нация», «национальность», «национальная идентичность» и «политика идентичности» позволяет четко очертить границы концепта национальной идентичности и еще раз подтвердить, что проблемы политики идентичности не потеряли своей актуальности и на современном этапе в эпоху глобализации. Эти проблемы особенно актуальны в странах, включенных в интенсивные миграционные потоки, таких как Россия и Армения. Обе страны столкнулись с различными экономическими, политическими, региональными вызовами, тем не менее в вопросе реализации политики идентичности обнаруживается ряд общих проблем. И для России, и для Армении актуальными и открытыми остаются вопросы об основаниях идентичности и критериях включения в национальное сообщество. При этом в России апелляция к широкому кругу критериев национальной идентификации в целом принимается и разделяется, тогда как в Армении в этом усматривается посягательство на традиционную идентичность. От понимания возможностей и применения эффективных технологий регулирования политики идентичности, от выявления актуальных приоритетов и векторов развития общества во многом зависит будущее и даже само существование тех или иных стран как национальных государств в современных условиях глобализирующегося мира, что является одним из важных вопросов для понимания и прогнозирования дальнейших путей развития России и Армении.

Литература

1. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998.
2. Миненков Г. Я. Идентичность как предмет политического анализа // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2011. С. 18–25.
3. Ачкасов В. А. Национальная идентичность как исторический нарратив // Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 19–26.
4. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ; Транзиткнига, 2004.
5. Glazer N., Moynihan D.P. Introduction // Ethnicity: Theory and Experience / ed. by N. Glazer, D.P. Moynihan. Cambridge: Harvard University Press, 1975. P. 1–14.
6. Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.
7. Дугин А. Г. Этносоциология. М.: Академический проект, 2014.
8. Малахов В. Скромное обаяние расизма и другие статьи. М.: Модест Колеров и «Дом интеллектуальной книги», 2001.
9. Cohen A. The Politics of Elite Culture: Explorations in the Dramaturgy of Power in a Modern African Society. Berkeley, 1981.
10. Barth F. Introduction // Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organisation of Culture Difference / ed. by F. Barth. Bergen; Oslo; London, 1969. P. 9–38.
11. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
12. Бурдье П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.
13. Тишков В. А. Этнология и политика: научная публицистика. М.: Наука, 2001.
14. Заславская М. И. Геноцид в контексте трансформации национальной и этнической идентичностей в исторической перспективе // Девятая годичная научная конференция: сб. науч. ст.: соц.-гуманитар. науки. Ч. II. Ереван: РАУ, 2015. С. 359–368.

15. Тишков В. А., Шабаетв Ю. П. Этнополитология: политические функции этничности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011.
16. Кола Д. Политическая социология. М.: Весь мир, 2001.
17. Лубский А. В. Проекты конструирования национальной идентичности в современной России // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7, № 1. С. 48–64.
18. Гориков М. К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики): в 2 т. Т. 1. М.: Новый хронограф, 2016.
19. Хабермас Ю. Европейское национальное государство: его достижения и пределы: О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. М.: Праксис, 2002. С. 364–380.
20. Дробижева Л. М. Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // Мир России. Социология. Этнология. 2017. № 1. С. 7–31.
21. Тишков В. А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013.
22. Muir R. The new identity politics. London: Institute for Public Policy Research, 2007. 19 p.
23. Семенов И. С. Политика идентичности: Меняющаяся повестка дня // Символическая политика: сб. науч. тр. Политика идентичности. Вып. 5. М.: РАН ИНИОН, 2017. С. 21–44.
24. Потова О. В. Нерешенные проблемы теории политики государственной идентичности в российской политической науке // Политическая наука. 2020. № 4. С. 86–110.
25. Ачкасов В. А. Политика идентичности в современном мире // Вестник С.-Петербург. ун-та. Сер. 6. 2013. Вып. 4. С. 71–77.
26. Малинова О. Ю. Политика идентичности как борьба за смыслы: проблемы концептуализации // Символическая политика: сб. науч. тр. Политика идентичности. Вып. 5. М.: РАН ИНИОН, 2017. С. 7–20.
27. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб.: Алетейя, 1998.
28. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Высшая школа экономики, 2012.
29. Кимлика У. Современная политическая философия: введение. М.: Высшая школа экономики, 2010.
30. Малахов В. После мультикультурализма: Европа и ее иммигранты // Вестник Института Кеннана в России. 2012. Вып. 21. С. 45–55.
31. Узнародов Д. И. Миграционные процессы как фактор становления национальной идентичности // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Сер. Общественные науки. 2014. № 6 (184). С. 38–43.
32. Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В., Васильченко В. А. Политика идентичности в современной России: конструкция и деконструкция (экспертное мнение) // Научная мысль Кавказа. 2017. № 3 (91). С. 23–32.
33. Волков Ю. Г., Лубский А. В. Патриотизм и национальная идея в современной России в контексте национальной безопасности: теоретические аспекты исследования // Патриотизм — национальная идея России. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2016. С. 44–48.
34. Малинова О. Политика идентичности в постсоветской России. URL: <https://postnauka.ru/video/51378> (дата обращения: 23.11.2021).
35. Статистический ежегодник Армении 2021 г. // Статистический Комитет РА. URL: <https://armstat.am/file/doc/99526823.pdf> (дата обращения: 20.11.2021).

Статья поступила в редакцию 1 декабря 2021 г.;
рекомендована к печати 4 марта 2022 г.

Контактная информация:

Заславская Мария Игоревна — д-р социол. наук, проф.; zaslavm1@gmail.com
Ракачев Вадим Николаевич — д-р ист. наук, проф.; midav.sf@mail.ru

Conceptualization of identity politics and practices of its implementation in Russia and Armenia*

M. I. Zaslavskaya¹, V. N. Rakachev²

¹ Yerevan State University,
1, ul. Aleka Manukiana, Yerevan, 0025, Republic of Armenia

² Kuban State University,
149, ul. Stavropolskaya, Krasnodar, 350040, Russian Federation

For citation: Zaslavskaya M.I., Rakachev V.N. Conceptualization of identity politics and practices of its implementation in Russia and Armenia. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2022, vol. 15, issue 1, pp. 47–62. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2022.103> (In Russian)

The article analyzes the conceptual foundations of identity politics, the main subject of which in modern conditions is the national state. In addition to the conceptual schemes of interpretation of the concepts of ethnicity, nation, national identity, and identity policy, the paper also examines the practices of implementing identity policy in Russia and Armenia. Identity research has become particularly important in recent decades, but the identity construct itself is still difficult to define and analyze. The actualization of the identity problem occurred due to the fact that the phenomenon of social identity largely determines the features of the functioning of social systems nowadays and, above all, the state. This is clearly demonstrated by the situation in the Russian Federation and the Republic of Armenia. Both countries are faced with serious challenges, while a number of common problems are revealed in the implementation of identity politics. For both Russia and Armenia, questions about the foundations of identity and criteria for inclusion in the national community remain relevant and open. At the same time, the future development, and even the existence of both countries as national states in the modern conditions of the globalizing world, largely depends on the understanding of the possibilities and application of technologies for effective regulating the identity politics, on the identification of current priorities and vectors of development of society. In theoretical and methodological terms, the article is based on the main provisions of the theory of identity, the concept of ethnicity, nation and nationalism. The study is based on an interdisciplinary approach that combines the theoretical and methodological principles of sociology, ethnology and political science.

Keywords: identity politics, national identity, nation, ethnos, people, Russian Federation, Republic of Armenia.

References

1. Touraine A. *Return of the actor. Essay on Sociology*, transl. from French by E. A. Samarskaya. Moscow, Nauchnyi mir Publ., 1998. (In Russian)
2. Minenkov G. Identity as an object of political analysis. *Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti*, vol. 1. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011, pp. 18–25. (In Russian)
3. Achkasov V.A. National identity as a historical narrative. *Upravlencheskoe konsultirovanie*, 2018, no. 10, p. 19–26. (In Russian)
4. Hantington S. *The Challenges to America's National Identity*, transl. from English by A. Bashkirov. Moscow: Tranzitkniga Publ., 2004. (In Russian)
5. Glazer N., Moynihan D.P. Introduction. *Ethnicity: Theory and Experience*, ed. by N. Glazer, D.P. Moynihan. Cambridge, Harvard University Press, 1975, pp. 1–14.

* The article was prepared within the framework of the joint Russian-Armenian project “Mechanisms for the transformation of national identity in modern migration processes (on the example of the Armenia-South of Russia migration network)”, implemented with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) no. 20-511-05019 Arm_a and the Committee on Science of the Ministry of Education, Science, Culture and Sports of the Republic of Armenia (GKN MESCS), no. 20RF-172.

6. Tishkov V. A. *Requiem for Ethnos: Research in Socio-Cultural Anthropology*. Moscow, Nauka Publ., 2003. (In Russian)
7. Dugin A. G. *Ethnosociology*. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2014. (In Russian)
8. Malakhov V. *The humble charm of racism and other articles*. Moscow, Modest Kolerov I "Dom intellektualnoj knigi" Publ., 2001. (In Russian)
9. Cohen A. *The Politics of Elite Culture: Explorations in the Dramaturgy of Power in a Modern African Society*. Berkeley, 1981.
10. Barth F. Introduction. *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organisation of Culture Difference*, ed. by F. Barth. Bergen, Oslo, London, 1969, pp. 9–38.
11. Berger P., Luckmann T. *The Social Construction of Reality: A Treatise on the Sociology of Knowledge*. Moscow, Medium Publ., 1995. (In Russian)
12. Bourdieu P. *Sociology of Politics*, transl. from English by N. Snmatko. Moscow, Socio-Logos Publ., 1993. (In Russian)
13. Tishkov V. A. *Ethnology and Politics: Scientific Journalism*. Moscow, Nauka Publ., 2001. (In Russian)
14. Zaslavskaya M. I. Genocide in the context of the transformation of national and ethnic identities in a historical perspective. *Deviataia godichnaia nauchnaia konferentsiia. Sb. nauch. st.: soc.-gumanitar. nauki*, part II. Yerevan, RAU Press, 2015, pp. 359–368. (In Russian)
15. Tishkov V. A., Shabaev J. P. *Ethnopolitology: political functions of ethnicity*. Moscow, Moscow University Press, 2011. (In Russian)
16. Colas D. *Political Sociology*, transl. from French by A. I. Kristalovsky. Moscow, Ves' mir Publ., 2001. (In Russian)
17. Lubskij A. V. Projects for the construction of national identity in modern Russia. *Gumanitarii Iuga Rossii*, 2018, vol. 7, no. 1, pp. 48–64. (In Russian)
18. Gorshkov M. K. *Russian society as it is (experiment of sociological diagnostics)*, vol. 1. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2016. (In Russian)
19. Habermas J. The European nation-state: Its achievements and limits: On the past and future of sovereignty and citizenship. *Mapping the Nation*, ed. B. Anderson, O. Bauer et al., transl. from English and German by L. E. Perejaslavceva, M. S. Panin et al. Moscow, Praxis Publ., 2002, pp. 364–380. (In Russian)
20. Drobizheva L. M. Civil identity as a condition for weakening ethnic negativism. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, 2017, no. 1, pp. 7–31. (In Russian)
21. Tishkov V. A. The Russian people: History and meaning of national identity. Moscow, Nauka Publ., 2013. (In Russian)
22. Muir R. *The new identity politics*. London, Institute for Public Policy Research, 2007.
23. Semenenko I. S. Identity politics: A changing agenda. *Symbolic Politics: Collected Papers. Identity Politics*, vol. 5. Moscow, RAN INION Publ., 2017, pp. 21–44. (In Russian)
24. Popova O. V. Unsolved problems of the theory of state identity politics in Russian political science. *Politicheskaya Nauka*, 2020, no. 4, pp. 86–110. (In Russian)
25. Achkasov V. A. Identity politics in the modern world. *Vestnik of Saint Petersburg University*, ser. 6, 2013, vol. 4, pp. 71–77. (In Russian)
26. Malinova O. Yu. Identity politics as a struggle for meanings: problems of conceptualization. *Symbolic Politics: sb. nauch. tr. Identity Politics*, vol. 5. Moscow, RAN INION Press, 2017, pp. 7–20. (In Russian)
27. Hobsbawm E. J. *Nations and nationalism since 1780: program, myth, reality*, transl. from English by A. A. Vasiljev. St Petersburg, Aleteia Publ., 1998. (In Russian)
28. Brubaker R. *Ethnicity without groups*, transl. from English by I. Borisova. Moscow, HSE Publishing House, 2012. (In Russian)
29. Kimlika U. *Contemporary Political Philosophy: An Introduction*. Moscow, HSE Publishing House, 2010. (In Russian)
30. Malakhov V. After multiculturalism: Europe and its immigrants. *Vestnik Instituta Kennana v Rossii*, 2012, vol. 21, pp. 45–55. (In Russian)
31. Uznarodov D. I. Migration processes as a factor in the formation of national identity. *Izvestiia vuzov. Severo-Kavkazskii region: Obshchestvennye nauki*, 2014, no. 6 (184), pp. 38–43. (In Russian)
32. Avksentiev V. A., Aksyumov B. V., Vasilchenko V. A. Identity politics in modern Russia: Construction and deconstruction (expert opinion). *Nauchnaia mysl' Kavkaza*, 2017, no. 3 (91), pp. 23–32. (In Russian)
33. Volkov Yu. G., Lubskij A. V. Patriotism and the national idea in modern Russia in the context of national security: Theoretical aspects of the study. *Patriotizm — natsional'naiia ideia Rossii*. Rostov-on-Don: Fond nauki i obrazovaniia Publ., 2016, pp. 44–48. (In Russian)

34. Malinova O. *Identity politics in post-Soviet Russia*. Available at: <https://postnauka.ru/video/51378> (accessed: 23.11.2021). (In Russian)

35. Statistical Yearbook of Armenia 2021. *Statistical Committee of RA*. Available at: <https://armstat.am/file/doc/99526823.pdf> (accessed: 20.11.2021).

Received: December 1, 2021

Accepted: March 4, 2022

Authors' information:

Maria I. Zaslavskaya — Dr. Sci. in Sociology, Professor; zaslavm1@gmail.com

Vadim N. Rakachev — Dr. Sci. in History, Professor; midav.sf@mail.ru